

Сказать, что это произошло быстро — значит ничего не сказать. Цзин Фаньшэн только собрался защититься своим облезлым мечом, у которого даже лезвия не было, как Цзин Шии внезапно пришел в движение.

Он заслонил Цзин Фаньшэна собой и ножами отразил резкий выпад госпожи Лю.

Раздался пронзительный вопль. Шии, плотно сжав губы, действовал крайне решительно: как бы быстро ни двигалась госпожа Лю, он лишь методично бил её ножами по голове. С каждым ударом окутывающая её аура обиды становилась всё тоньше.

В этом Цзин Шии пошел в отца — он с рождения был наделен способностью видеть духов.

Цзин Фаньшэн в ярости подпрыгнул на месте и закричал:

— Ах ты, паршивец! Да как ты смеешь перехватывать инициативу у собственного отца!

Увы, Шии даже не обернулся. Его лицо, сохранившее еще детскую припухлость, оставалось невозмутимым, а вид — предельно сосредоточенным.

После очередного удара Шии призракная женщина издала еще более пронзительный крик и внезапно рухнула на землю, застыв без движения.

Теперь пришла очередь господина Лю: его начало колотить, глаза закатились, и он бросился на Цзин Фаньшэна.

Этот призрак был крайне дезориентирован и лишен разума. Стоило Цзин Фаньшэну выкрикнуть, кто она такая, как она затаила обиду, позабыв о супругах Лю — в её глазах остался только он один.

Цзин Фаньшэн находился всего в шести-семи шагах от господина Лю, но он был готов. Только собрался поднять свой дранный меч, как с небес спустилась изящная фигура в белых одеждах.

Цзин Фаньшэн:

— ...

Да дайте же спокойно изгнать демона!

Этой фигурой оказалась не кто иная, как Янь Линлун. Приземлившись, она, подражая Шии, начала безжалостно колотить господина Лю по голове. Хотя в её глазах не было никакой черной дымки, она видела, что этот метод сработал, и решила повторить.

Цзин Фаньшэну даже не нужно было поднимать голову, чтобы понять: господин Сяожань наблюдает за битвой откуда-то сверху.

А ведь как хорошо всё начиналось: он собирался проучить эту эгоистичную и черствую пару, а заодно из милосердия упокоить дух служанки. Теперь же всё желание пропало.

В конце концов, он просто проезжал мимо, заметил черную ауру, окутавшую город, и решил подзаработать на изгнании демонов, прихватив немного духовных камней и серебра.

Духовные камни уже лежали в его рукаве Цянькунь, и никто их оттуда не достанет. А если прихватить из этого роскошного поместья пару безделушек, вырученных денег хватит на выпивку.

Раз уж его застукал праведный главный герой — господин Сяожань, то теперь тот явно не останется в стороне.

Цзин Фаньшэн мысленно хлопнул себя по бедру: план был просто безупречен! Приняв решение, он схватил Шии, который всё еще рвался в бой, и приготовился к отступлению.

В этот миг с небес раздался громкий буддийский возглас. Хотя человек находился еще в сотне ли, звук, мощный и сотрясающий основы, накрыл поместье Лю.

Услышав этот возглас, господин Лю явно затормозил, что лишь облегчило задачу Янь Линлун.

Цзин Фаньшэн, услышав этот звук, подумал: «Плохо дело». Тут же раздался голос:

— Не ожидал встретить господина Сяожаня в этом маленьком городе Лянъи.

Цзин Шии невольно поднял голову. Цзин Фаньшэн почувствовал, как мальчик напрягся.

В небе завис огромный летящий меч. На нем стояли тот самый красавец в белом из обеденного зала и юноша по имени Чу Юньгуань.

Лицо мужчины в белом было словно высечено из камня, а в его глазах, черных, как смоль, и сияющих, как звездное небо, отражалась сцена внизу. Казалось, он не обратил внимания на прозвучавший возглас.

Видя, что Цзин Шии застыл, Цзин Фаньшэн стиснул зубы. Решившись на ходу, он притворился, что до смерти испугался призрака, схватил Шии и без лишних слов бросился наутек.

Янь Сяожань всё это время не сводил глаз с даоса в черном халате. Стоило тому двинуться, как он собрался было спуститься с меча, но владелец того самого буддийского возгласа уже

подоспел.

Янь Сяожань замер.

— Господин Сяожань? Почему ты не отвечаешь? На что ты смотришь? — Бай Ичэнь уже подлетел к нему и тоже посмотрел вниз. Цзин Фаньшэна и след простыл, он видел лишь, как Янь Линлун сражается с невидимой, но осязаемой призрачной энергией.

Бай Ичэнь, держа в руках посох монаха, улыбнулся, и лунный свет отразился от его начищенной лысины:

— Всего лишь дух обиды. Даже если девочка не справится, ничего страшного не случится. Господину Сяожаню не стоит так волноваться.

Поскольку Цзин Шии исчез, Чу Юньгуань поклонился Бай Ичэню и спрыгнул вниз, чтобы помочь Янь Линлун, оставив их вдвоем.

Янь Сяожань отвел взгляд и, не меняясь в лице, произнес бесстрастным тоном:

— У этой женщины глубокая обида. Раз уж так совпало, что мы встретили старейшину Ичэня, надеюсь, вы окажете милость и упокоите её.

Бай Ичэнь был старшим учеником настоятеля монастыря Ваньсян — одного из четырех великих орденов. Несмотря на то что он был на несколько сотен лет старше Янь Сяожаня, он прославился как талант еще в юности, недавно успешно перешел на стадию Разделения Духа и стал одним из старейшин монастыря.

Он улыбнулся:

— Это само собой разумеется.

Помимо основных техник, у каждого из четырех великих орденов была своя специализация.

Как говорится: божественные артефакты Куньлуня, мечи Уляна, талисманы Сяосяна, возгласы Ваньсяна.

Это означало, что ученики горы Куньлунь искуснее всех в создании артефактов; единственный в мире божественный артефакт вышел именно оттуда. Талисманы дворца Сяосян — лучшие в мире, их ученики изучают массивы и искусство рисования печатей. А в монастыре Ваньсян все — буддийские практики, они ценят учение Будды и чистоту сердца, а их буддийские возгласы сотрясают небеса и лучше всего подходят для очищения и упокоения душ.

Хотя большинство практиков в мире совершенствования — практики меча, только у горы Улян мечи самые чистые: их ученики не изучают ничего лишнего, их ежедневные занятия — лишь медитация и упражнения с мечом.

Что же касается того, почему Янь Сяожань в столь юном возрасте стал мастером создания артефактов, чья сила превосходит даже Куньлунь? Одни говорили, что это связано с происхождением его матери, другие просто считали, что он — природный талант.

Конечно, фанаты книги знали, что это лишь один из «золотых пальцев», дарованных автором.

С приходом Чу Юньгуаня битва быстро закончилась. Поняв, что не справится, а над головой двое тех, с кем она точно не может тягаться, призрачная женщина отступила обратно в труп.

Дворецкий и стражники давно сбежали, а чета Лю, превратившись в подобие свиных голов, валялась без чувств.

Янь Сяожань первым опустился на землю и сделал жест, приглашая Бай Ичэня. Тот приземлился следом и снова прочитал мантру. Держа в правой руке посох, а в левой четки, он начал читать сутры над женским телом.

Как бы сильна ни была обида духа и как бы он ни цеплялся за мир смертных, перед буддийским практиком стадии Разделения Духа он был подобен муравью.

Бай Ичэнь непрерывно читал молитвы, и вскоре тело начало испускать белый дым — оно загорелось изнутри.

Янь Линлун впервые видела, как буддийский практик стадии Разделения Духа лично упокаивает духа, и невольно вскрикнула.

Труп быстро превратился в горстку пепла, который тут же развеял ночной ветер.

Закончив читать, Бай Ичэнь произнес буддийское приветствие и открыл глаза. На его лице отразилось сомнение, и он пробормотал:

— Странно.

Янь Сяожань спросил:

— Старейшина Ичэнь, что кажется вам странным?

Бай Ичэнь ответил:

— Еще за сотню ли я почувствовал здесь демоническую энергию, но её сила не похожа на ту, что мог бы излучать простой дух обиды.

Янь Сяожань невозмутимо ответил:

— Возможно, она рассеялась, когда Линлун и остальные вступили в бой?

Бай Ичэнь легко переключился. Он широко раскрыл глаза:

— Это твоя племянница? Как же она выросла!

Для практиков время течет иначе. Для Бай Ичэня десять с лишним лет — это лишь один сеанс медитации, но для маленькой девочки этого достаточно, чтобы превратиться из младенца в юную деву.

Янь Линлун, наслышанная о Бай Ичэне, с улыбкой поклонилась:

— Здравствуйте, старейшина Ичэнь.

Бай Ичэнь невольно принялся разглядывать лицо Янь Линлун, но, осознав, что пялится на маленькую девочку, смущенно кашлянул и улыбнулся:

— Здравствуй.

Янь Сяожань сложил руки в приветственном жесте:

— Благодарю старейшину Ичэня за помощь.

Господин Сяожань был прекрасно воспитан и всегда вежлив, хотя на его лице редко отражались эмоции. Бай Ичэнь знал об этом. Несмотря на разницу в возрасте, они были сверстниками, и холодность Сяожаня его не смущала.

Однако спустя годы, встретив старого знакомого, он заметил, что господин Сяожань стал еще холоднее. Раньше он был холоден лишь лицом, теперь же от него веяло таким морозом, словно можно было замерзнуть, лишь подойдя поближе.

Бай Ичэнь вздохнул. Он почти двадцать лет находился в затворе, пытаясь прорваться на стадию Разделения Духа, и, выйдя, узнал, что мир сильно изменился.

Цзин Фаньшэн, с которым он был дружен, предал орден и впал в одержимость. Говорили, что на горе Чунмин почти никого не осталось в живых. Янь Сяожань, который из-за юного возраста отставал от них в развитии, внезапно перешагнул через них и достиг стадии Разделения Духа. Более того, поговаривали, что, появившись на горе Улян, он уже был на поздней ступени Разделения Духа.

Оба этих факта казались Бай Ичэню крайне необычными.

Янь Сяожань продолжил:

— Мы здесь проездом, у нас есть неотложные дела. Раз всё решено, мы пойдем.

Бай Ичэнь ответил:

— У меня тоже есть дела, нельзя медлить. Прошу, господин Сяожань.

Янь Сяожань удалился первым. Бай Ичэнь смотрел ему вслед, погруженный в раздумья. Но у него самого были важные дела, и сейчас было не до Сяожаня. Бай Ичэнь крепче сжал посох и направился в сторону горы Лянъи.

Цзин Фаньшэн даже не успел забрать осла; два мешка он спрятал в рукав Цянькунь, а медное зеркало, висевшее у него на шее лишь для вида, так и осталось на месте. Сейчас он на мече увозил Шии подальше от города Лянъи.

На полной скорости управляя своим дранным мечом, он ворчал:

— Какая неудача! Такой дух обиды — любой, у кого есть хоть капля мастерства, мог бы его упокоить, но никто не удосужился! И почему они не пришли раньше или позже, а именно когда я здесь?!

Даже такой практик, как Шии на поздней ступени Конденсации Меридианов, мог бы с этим справиться. Семья Лю получила по заслугам. И всё же, не каждый станет тратить силы на то, чтобы раздавить муравья. Может, именно из-за того, что призрак был слабым, проходящие мимо практики ленились вмешиваться.

С другой стороны, он брался только за то, на что другим было плевать. Но он никак не ожидал, что, едва покинув Долину Запретного Края и покрутившись вокруг города Лянъи, столкнется с Янь Сяожанем и Бай Ичэнем.

Просто проклятье какое-то!

На самом деле, больше, чем Янь Сяожаня, Цзин Фаньшэн сейчас боялся встретить Бай Ичэня. Как старший ученик настоятеля Ваньсян, человек с благородным обликом и высочайшим мастерством, в оригинале он был «лучшим другом» главного героя Янь Сяожаня.

Будучи праведным буддийским практиком, он не только помогал Сяожаню в бою, но и его стремление к чистоте сердца гарантировало, что он не станет препятствием на пути Янь Сяожаня к расширению гарема. Даже если Бай Ичэню не нравилось поведение главного героя, он понимал: раз всё добровольно, то и говорить не о чем.

Автор уделил Бай Ичэню много внимания, фактически сделав его вторым главным героем, добавив ему черту «неожиданной милоты», из-за чего у него было немало фанатов.

Когда Цзин Фаньшэн только попал в этот мир, ему стоило немалых усилий подружиться с этим серьезным и нелепым маленьким монахом, который совершенно не умел приспосабливаться к жизни. В то время они были совсем разными.

Но чем ближе они были тогда, тем больше нынешнему Цзин Фаньшэну хотелось бежать от него. Он слишком хорошо знал его стремление искоренять демонов. Если Янь Сяожань творил добро ради имиджа благородного рыцаря, то Бай Ичэнь делал это по велению сердца, без капли эгоизма.

Хотя пятнадцать лет назад Бай Ичэнь не участвовал в облаве, так как медитировал, теперь, когда Цзин Фаньшэн узнал свою истинную сущность и скрытые сюжетные линии, он боялся попадаться ему на глаза. Буддийские техники монастыря Ваньсян были крайне чувствительны к демонической энергии.

Думая о том, что его бывший лучший друг, возможно, сейчас общается с «настоящим» лучшим другом и они вдвоем станут главными охотниками на него, Цзин Фаньшэн вскипал от ярости на этот проклятый мир.

— Стоило ли оно того ради этих духовных камней? А-а-а! Какая досада!

Он еще немного поворчал, но заметил, что Шии позади него молчит.

— Шии? Эй, ты чего? Цзин! Ши! И!

Шии, до этого хранивший молчание, ответил:

— Тот человек был господином Сяожанем.

Теперь застыл Цзин Фаньшэн.

Голос Шии был полон разочарования:

— А ты мне даже не сказал.

С тех пор как он научился лепить фигурки из духовной глины, а потом мастерить простые артефакты, Цзин Шии всё больше увлекался этим искусством. В Долине Запретного Края не было ни учителей, ни материалов, он учился по записям на нефритовой пластине. Даже в таких условиях он не сдавался, потому что у него была мечта: стать таким же могущественным мастером артефактов, как Янь Юань — господин Сяожань.

Несколько часов назад его кумир сидел за соседним столом, а Цзин Фаньшэн не только не

сказал ему об этом, но и увозит его всё дальше...

Они уже давно покинули пределы горы Лянъи. Шии снова замолчал, Цзин Фаньшэн тоже притих, продолжая мчаться на мече. В ночи слабый поток света рассек небо и мгновенно исчез.

В это время Бай Ичэнь, направлявшийся к землям демонических практиков, не знал, что люди Сяожаня вернулись в поместье Лю.

Супруги Лю, всё еще с опухшими лицами, лежали без сознания. Янь Сяожань велел Чу Юньгуаню привести их в чувство.

— Дядюшка? — Янь Линлун не понимала, зачем это нужно.

Чу Юньгуань достал маленький фарфоровый пузырек, открыл крышку и поднес к носам супругов. Те застонали и очнулись.

Открыв глаза, они остолбенели. Тот оборванный даос и мальчик в черной маске исчезли, а перед ними стояли трое в белых одеждах, от которых исходило сияние... особенно от высокого мужчины посредине.

Янь Сяожань прямо спросил:

— Тот человек с медным зеркалом на груди, он называл свое имя?

Господин Лю, придерживая разбитое лицо, дрожащим голосом ответил:

— Он... он сказал, что его зовут Шиу.

Янь Сяожань помрачнел:

— Что еще ты знаешь? Рассказывай всё в подробностях!

Господин Сяожань обычно не проявлял эмоций, поэтому если он начинал хмуриться — значит, был в дурном расположении духа. Янь Линлун хотела спросить, но не решилась.

У неё закралось подозрение, но она сочла его невозможным. Она знала, что человек, которого ищет дядюшка, — это легендарный красавец, превосходящий самого Янь Сяожаня. А тот оборванец? В нем не было ничего, что можно было бы назвать «красивым».

Достигнув стадии Конденсации Меридианов, можно было сохранить свою внешность навсегда. Если это не маскировка... но человек так живо выражал эмоции, что ошибки быть не могло.

Господин Лю рассказал всё как было. С каждым словом Янь Сяожаня его брови сдвигались всё сильнее.

Он был уверен на восемьдесят процентов: это Цзин Фаньшэн. Слишком уж похожа фигура, жесты, манера речи и поведение. А ребенок рядом... его возраст совпадал с возрастом внебрачного сына Цзин Фаньшэна и Цинь Жун.

К тому же, его появление сразу привлекло Бай Ичэня, крайне чувствительного к демонической ауре... Слишком много совпадений.

<http://bllate.org/book/22149/2307417>